

ЖВАЛЕВСКИЙ АНДРЕЙ
ПАСТЕРНАК ЕВГЕНИЯ

*Я хочу
в школу!*

Время – юность!

Евгения Пастернак

Я хочу в школу

«WebKniga»

2012

Пастернак Е. Б.

Я хочу в школу / Е. Б. Пастернак — «WebKniga»,
2012 — (Время – юность!)

ISBN 978-5-9691-0941-4

Это фантастика, сказка и небывальщина. В этой книге вы не встретите инопланетян, Бабу-ягу или, на худой конец, говорящих животных. Зато познакомитесь с удивительной школой, в которую ученики по утрам бегут с одной мыслью: «Поскорее бы!» В ней исполняются самые смелые мечты – от полета на воздушном шаре до путешествия на Эльбрус. В ней нет привычных «предметов» и «параллелей», но есть куча проектов и братство единомышленников. Словом, чудо, а не школа. Однако, как всякое чудо, оно очень хрупко. И в один непрекрасный день ученикам приходится встать грудью на защиту своей мечты.

ISBN 978-5-9691-0941-4

© Пастернак Е. Б., 2012

© WebKniga, 2012

Содержание

От авторов	6
Первая четверть	7
Осенние каникулы	15
Вторая четверть	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак

Я хочу в школу!

© Жвалевский А. В., Пастернак Е. Б., 2017

© Калныньш В., макет и оформление, 2017

© Коротаяева В., графика, 2017

© «Время», 201

* * *

От авторов

Мы давно хотели сказать большое спасибо нашим учителям и очень рады, что такой повод представился.

Лучший способ сказать спасибо – написать книгу.

Дорогие учителя!

Те, кто вопреки всему не растерял умение слышать, те, кто в перерывах между внеклассными мероприятиями и заполнением бумажек еще способен преподавать, те, для кого педагогика – это не название давно забытого предмета, сданного в вузе, а жизнь...

Дорогие! Спасибо вам за то, что вы есть! Спасибо вам за то, что вы делаете!

И когда вы в очередной раз подумаете: «Уволюсь! Нет больше сил!» – пожалуйста, возьмите в руки эту книжку. Мы бы очень хотели, чтобы она помогла вам остаться в школе. Потому что на вас вся надежда...

Первая четверть

– Предлагаю убить Анечку! – вдруг сказал Женька.

Сказал тихо, но горячее обсуждение сразу же оборвалось. Женька просто так говорить не стал бы. Анечка охнула и прикрыла ладошкой рот. Она во все свои огромные глаза смотрела снизу вверх на Женьку, не веря, что он вот так просто...

– А что? – задумчиво согласился Ворон, ссутулившись больше обычного. – Вполне может быть. Анечка обычно трещит как сорока, а сейчас молча сидит... Ее мочить нужно.

У Анечки задрожала нижняя губа и оба хвостика.

– И рот ладонью прикрывает. Признак вранья...

Предполагаемая жертва мелко-мелко заморгала. Это был нехороший знак. Щуплая восьмилетняя Анечка умела плакать как профессиональный клоун – фонтанами. Кошка вскочила с места:

– Ты офонарел! Анечка – честный человек, ясно?! Скажите им, Впалыч!

Впалыч никак не отреагировал, развалившись в кресле-«груше», мягком и бесформенном. Трупы, разбросанные по ковру, тоже молчали. Давились от смеха, но молчали.

– Хорошо. – Женька пригладил волосы, хотя особой нужды в этом не было. – А кого тогда?

– А Ворона! – Кошка стала тыкать в новую жертву, чуть не выкалывая ей глаз. – Что-то он быстро согласился на Анечку!

– Я согласился? – обиделся Ворон. – Я просто...

– Просто тебе все равно, кого убивать! – Юлька-Кошка, казалось, сейчас задушит Ворона, хотя он на две головы выше. – Ты – мафия!

Галдеж возобновился с новой силой, но Ворон так и не отбил. За него проголосовали все, кроме Молчуна. Он поднял руку за Женьку.

– Дураки вы все, – пробурчал Ворон, переворачивая карту.

Это был червовый валет. Даже не дожидаясь появления метки «честного человека», Кошка, Анечка и Женька победно завопили. От толпы трупов к ним присоединился Димка.

– Осталось три мафии и три честных, – бесстрастно прокомментировал Впалыч. – По условиям игры это означает победу мафии.

– Нечестно! – убитый в первом же туре лидер Ежей наконец дал себе выговориться. – Вы, Виктор Павлович, специально выдали карты мафии Птицам! Они слетанные! Если бы вы нашей группе дали мафию, мы бы тоже всех раскатали!

Впалыч не стал спорить.

– Ага, – сказал он, – я решил показать вам, как трудно справиться с командой хорошо подготовленных манипуляторов. Группа «Птицы» справилась с задачей... на восьмерку.

– А чего на восьмерку?! – Кошке хотелось полного триумфа. – Мы кратчайшим путем шли!

Виктор Павлович покачал головой.

– Во-первых, давайте успокоимся... Анализ нужно проводить как?

– На холодную голову, – неохотно согласилась Кошка и даже выполнила три дыхательных упражнения, которым их обучили на физре.

На большее ее не хватило, потому что Анечка решила собезьянничать и принялась пародировать Кошку. Естественно, Кошка покатила со смеху, погналась за Анечкой, та спряталась за Женьку, как за скалу...

Словом, к анализу удалось приступить только минут через десять.

– Итак, продолжим, – заявил Впалыч, как будто ничего не случилось.

Он, кстати, все десять минут суматохи преспокойно читал ридер.

– Я бы поставил десятку, если бы вы не потеряли Дмитрия...

– Так это же элементарно! – Кошка никак не могла успокоиться. – Я же его специально сдала! У меня сразу авторитет до неба!

Впалыч сдвинул брови. Кошка прикусила язык.

– А как было бы идеально? – Учитель психологии повернулся к Женьке.

Лидер группы «Птицы» по обыкновению ответил не сразу. Достал расческу, повертел ее в руках, спрятал.

– В идеале мы должны были создать атмосферу общей подозрительности. Если бы никто никому не верил... – Он задумался на мгновение и поправился: – Если бы все друг друга боялись, то никто бы не был адекватен. Вот тогда в мутной воде...

Договорить он не успел – грянул звонок. Впалыч вылез из кресла, давая понять, что урок закончен. Остальным тоже пришлось подниматься с ковра, только Анечка заканючила:

– Да ну ее, эту перемену! Давайте еще поговорим!..

Однако учитель покачал головой:

– Звонок на перемену вы уже пропустили. Это на следующий урок...

– Упс. – Женька озабоченно глянул на часы. – Пернатые, у нас предзащита проекта!

Птицы вылетели из класса, словно и на самом деле обладали крыльями. Остальные тоже потянулись в коридор, но неторопливо, обсуждая, как ловко Кошка подставила своего же. У большинства групп была литература, а туда чего спешить? Сел в коридоре с книжкой – и читай.

Последним шел Молчун, маленький, стриженный почти под ноль, но при этом неуловимо монументальный.

– Артем! – окликнул его Виктор Павлович.

Молчун послушно остановился.

– Ты когда понял, кто мафия?

– В первом, – тихо ответил мальчик.

– В первом туре? А почему молчал? Почему не отстаивал свою точку зрения?

Молчун пожал одним плечом. Впалыч терпеливо ждал. Когда он подобрал этого чернявого паренька на улице, тот вообще не разговаривал. Да и теперь для него две фразы подряд оставались событием. Если не подвигом.

– Я голосовал, – наконец родил Молчун вторую фразу, выбрав на этом дневной лимит болтовни.

Впалыч понимающе кивнул. Молчун вздохнул и пошел к выходу. Его ждало индивидуальное по английскому. Добрейшая Алла Терентьевна пока просто крутила ему диснеевские фильмы в оригинале да иногда просила что-нибудь написать на английском. Поэтому Молчун английский, кажется, любил.

Вопль «Еду-у-ут!» взорвал коридор школы. Он не нарушил тишину, нет. В этих коридорах никогда не было абсолютной, гулкой тишины стандартного учебного заведения. Но после этого крика коридор забурлил, закипел и стал выплескивать самых активных на крыльцо, а потом и во дворик. А там уже выгружались из автобуса такие красивые, такие загоревшие...

– Ну вы и негры! – не выдержала Анечка, разглядывая приехавших.

– Ничего, мы помоемся, и это пройдет, – отмахнулся старшеклассник, вытаскивая из автобуса огромный рюкзак.

– А фотки, когда будут фотки? – заскулила Аня.

– Дайте хоть поесть, – засмеялся физрук, выгружая снаряжение. – Мы две ночи практически не спали, рейс задержали очень сильно. Да и последнюю ночь в горах было... не очень комфортно.

– Пал Иванович, зато фотки получились, – хмыкнул старшеклассник.

– В жизни больше не куплюсь на проект под названием «Выживание в горах», – заявил физрук, зевая.

– А в пустыне? – любопытствовала Анечка.

Все вокруг захихикали, а Пал Иванович сделал вид, что обдумывает ее предложение.

– В пустыне ладно, – решил он, – хоть согреемся.

– А вот и нет! – горячо заявила Анюта. – В пустыне ночью...

Дима потащил Аню в школу.

– Пойдем! Женька убьет, мы и так опаздываем.

Они влетели в кабинет и наткнулись на суровый взгляд руководителя группы.

– Жень, – Анечка изобразила свой коронный прием «брови домиком», – ты нас отругаешь?

Женя прикусил губу, чтобы не рассмеяться, но демонстративно постучал ногтем по стеклу наручных часов.

– Там с Эльбруса вернулись! – сообщила Аня. – Фотки привезли! И Пал Иванович обещал меня в пустыню с собой взять...

Женя понял, что сейчас точно улыбнется, и перебил:

– У нас предзащита проекта. Сегодня мы должны выявить все слабые места нашей защиты. Понять, за что могут зацепиться наши оппоненты, предусмотреть их вопросы и приготовить свои ответы. Давайте посмотрим презентацию так, как будто видим ее первый раз.

Экран, который заменял доску, ожил, на нем появилось изображение Икара, летящего на зрителя. За Икаром тянулся ряд букв, которые выстроились в вопрос: «Почему человек произошел от птицы?»

– А вам не кажется, что вы сразу подставляетесь?

Группа «Птицы» как по команде повернулась к самой дальней парте. Там, подперев подбородок рукой, сидела Ольга Петровна, учительница биологии.

– Разве правильно начинать защиту с вопроса? Такое впечатление, что вы сами не уверены в правоте этого утверждения.

– Это правильный вопрос! – тут же отозвалась Кошка. – Мы же не спрашиваем, правда ли, что человек произошел от птицы, мы спрашиваем почему. То есть уверены в том, что правы, и хотим разъяснить это всем окружающим.

– Хорошо, убедила, – улыбнулась Ольга Петровна, – просто я не люблю вопросы в названиях. Потом вас каждый будет попрекать, что вы на него не ответили.

– Мы ответим! – уверенно сказал Женя. – Обещаю.

Презентация продолжалась, Ольга Петровна реагировала хорошо. Где-то смеялась, где-то хмурилась, что-то черкала у себя в блокнотике.

– В целом неплохая работа, – сказала она. – Дырки есть, конечно... Особенно все, что касается строения скелета, притянута за уши. Я б на вашем месте вообще про это ничего не говорила, это ваше самое слабое звено.

– Но если совсем ничего не говорить, – вступил Дима, поправляя очки, – все поймут, что мы не хотим говорить на эту тему, и нас завалят.

– Зато теория о том, почему и как пропало оперение, – просто блеск! – продолжила Ольга Петровна.

Анечка счастливо покраснела.

– Она настолько остроумна, что ее не хочется критиковать, хочется сразу в нее поверить!

– Просто это правда! – радостно сообщила Аня, и все засмеялись.

– Ладно, я от всей души буду желать вам завтра победы, но не думайте, что будет легко.

– Да мы и не думаем! – отозвался Женя.

– Хотя лично мне гораздо приятнее поверить в то, что человек произошел от птицы, чем от рыбы или от растения, – добавила учительница. – Кстати, обычного голосования не будет.

– А что будет? – спросила Кошка.

– Вам будут начисляться баллы. Сначала за презентацию, потом за ответы на вопросы. Для зачета нужно не меньше пятидесяти баллов. А еще будут учитываться все ваши вопросы, которые вы зададите командам-противникам.

– Не противникам, – серьезно поправила Аня, – а командам, представляющим альтернативную точку зрения.

Ольга Петровна кивнула и продолжила:

– А за агрессию и переход на личности будут начисляться штрафные баллы.

Кошка потупилась и принялась разглядывать пол.

– Летите на обед, Птицы, – улыбнулась Ольга Петровна, – уже почти три часа. И постарайтесь не наиграться сегодня до полусмерти в футбол, как перед прошлой защитой.

Птицы захихикали и убежали.

Беда пришла откуда не ждали.

Ждали ее с задней парты, за которой расположился проверяющий из роно – лысоватый толстячок с заранее недовольным видом. По опыту и ученики «нашумевшей» школы № 34, и ее учителя знали, что люди со стороны очень тревожно относятся ко всему, что происходит в этих стенах. Чужих раздражало: отсутствие привычных «параллелей» и наличие вместо них

странных разновозрастных групп; оценки, которые ставились только в качестве поощрения; вольное обращение с учебным планом и утвержденной министерством программой; даже то, что ученики обращаются к педагогам по имени, а то и по кличкам.

Но толстячок оказался безвредным. Когда он увидел тему дебатов – «От кого на самом деле произошел человек», – то замер, удивленно задрав брови к лысине. И чем больше слушал, тем выше поднимались брови, хотя это противоречило всем нормам физиологии и стандартам пластической хирургии.

К третьей защите («Человек разумный еще не произошел») брови гостя добрались почти до макушки и застряли там, зато за ними потянулись уголки губ. Птицы защищались последними. Их представитель роно встречал радостной улыбкой и нетерпеливым выражением лица: «Ну, удивите и вы меня чем-нибудь!» Похоже, толстячку в детстве очень не хватало вот таких сумасшедших посиделок, на которых пятиклашки с умным видом доказывают выпускникам, что направленные вниз ноздри – еще не доказательство водного происхождения человека. И что самое удивительное, выпускники не отвечивают наглой мелюзге «леща», а на полном серьезе отвечают: «При всем уважении к вашему ошибочному мнению...»

Словом, проверяющего оставалось только добить, и Птицы горели желанием это сделать. Они не ограничились иллюстрированным докладом и моделированием в 3D Max. Целый месяц они готовили механическую модель эволюции птицы в человека. Это должно было произвести сногшибательное и зубодробительное впечатление: с размахивающей крыльями птицы сначала слетает все оперение (которое держится на тщательно рассчитанном слое клея), затем деформируются кости (Димка весь месяц колдовал над телескопическими трубами), выпрямляется походка (тут сработает металл с термопамятью) и преобразится череп (единственный этап, на котором вмешивался человек – Кошка, мгновенно меняющая одну черепашку на другую).

И все это произошло! Все перья облетели, ни одно не «примерзло»! Кости без единого скрипа преобразовались в человеческие! Термопамять сработала всего с двухсекундной задержкой! А маневр с заменой черепов вышел у Кошки прямо-таки виртуозно.

В этот момент, хотя это и не было принято на дебатах, все захлопали. Даже проверяющий. Или нет, он, кажется, и начал... Впрочем, неважно. Таких оваций школьный зал не слышал – разве что во время юбилея директора.

Только Молчун не хлопал. Он тихо подошел к макету и попытался что-то с ним сделать. Не получилось. Молчун исподлобья посмотрел на Птиц, но те сейчас мало что соображали, только краснели, пыхтели и с трудом сдерживали улыбки.

Тогда Молчун подошел к доске и принялся рисовать. Один за другим зрители переставали хлопать, удивленно уставившись на фигурку у доски. Когда Молчун закончил чертеж, в зале царил полная тишина.

– А что случилось, Михаил Александрович? – шепотом спросил проверяющий у сидевшего рядом директора.

Тот ответил громко, для всех:

– Артем только что нашел критическую нестыковку в вашей гипотезе. Большой палец...

Зал нестройно, но явственно ахнул.

– Я извиняюсь, – человек из роно чувствовал себя как Иван-дурак на съезде Эйнштейнов, – но при чем тут палец?

И Михаил Александрович растолковал – уже вполголоса, только для проверяющего, – что отстоящий большой палец есть определяющий атрибут *Homo habilis* и вообще всего отряда *Номо*. И что у птиц большой палец никак не мог стать отстоящим. А если мог, то в проекте этот момент упущен...

У доски тем временем кипела битва. На Птиц наседали. Птицы отбивались как звери, но силы были неравны. Дельфины разобрали скелет птичечеловека по косточкам (и в прямом

смысле, и в переносном). Хомо Футуристы засомневались в скорости трансформации черепа. Динозавры требовали археологических доказательств... Молчун скромно уселся за парту и молчал, уткнувшись в свой планшет.

Птицы оказались единственной командой, которая провалила защиту, недобрав всего пару баллов. Проверяющий подошел к ним и искренне сказал:

– Вы молодцы! Мне очень понравилось!

– Ага, молодцы, – буркнула Кошка. – Это несправедливо! У нас не хуже был, чем у всех!

– И что теперь? – Инспектор почему-то чувствовал себя виноватым. – Снизят оценку за четверть?

– Да при чем тут оценки! – Юлия мотнула головой так, что хвост чуть не хлестнул ее по щекам. – Опозорились же!

– Но проект переделаем... – вздохнул Женька. – Если захотим.

– А если не захотите?

Птицы посмотрели на проверяющего, как на человека с ограниченными умственными возможностями.

– Тогда не переделаем, – терпеливо объяснил лидер группы.

– Но мы переделаем! – пообещал Димка, протирая стекла очков, которые запотели во время бурных дебатов. – А то стыдно же...

Кошка глухо зарычала. Проверяющий растерялся и хотел погладить ее по голове, но в последний момент передумал и погладил Анечку. А потом зачем-то пожал руку мрачному Жене. Окончательно смутившись, толстячок пробормотал нечто невнятное и торопливо ушел...

А на следующий день пришла настоящая беда.

День не задался с самого начала, даже у вечно спокойной Настеньки (учительницы русского языка) все валилось из рук.

А когда она решила «посмотреть вдаль» – то есть заглянуть в словарь Даля – и потянула его с полки, то... все содержимое книжного шкафа вывалилось на нее.

– Говорили мы вам, давайте пользоваться интернет-словарями, – бурчала Кошка, откапывая из-под толстых томов учительницу.

– Интернет-словари у вас и дома есть. Они хороши, когда нужно срочно что-то глянуть. А мы с вами учимся, мы можем себе позволить... пока...

Настенька запнулась и опустила глаза.

– Что значит «пока»? – спросил Женька.

Учительница махнула рукой.

– Нет уж, – встала в позу Кошка, – раз уж начали говорить – договаривайте.

– У вас собрание после моего урока, там все и узнаете, – вздохнула Настенька и быстро надела очки на подозрительно влажные глаза.

От нехорошего предчувствия ни у кого даже слов не нашлось, чтобы друг друга подбодрить.

Школьный зал, битком набитый народом, молчал. Ученики школы № 34 пытались осознать то, что только что сообщил их любимый директор.

– Вы же знаете, как мне дорога наша школа. Я постараюсь сделать все, что от меня зависит, чтобы ее сохранить. Но в данный момент обстоятельства складываются так, что...

– Что с нами будет? – не выдержала Кошка.

– Ничего страшного, – улыбнулся директор, – вы просто немного поучитесь в обычной школе. Точнее, в нескольких школах: сорок пятой, тридцать третьей и седьмой...

Зал опять замер. У кого-то тихо пикинул телефон, приняв сообщение, и это показалось чуть ли не ревом музыки из колонок.

– Поймите, у меня просто нет другого выхода, – тихо сказал Михаил Александрович, – вы же знаете, наша программа не совсем согласуется... Если эта проверка несколько дней будет наблюдать наши занятия, то... А так мы тихо закроем школу на ремонт, я пообещаю им, что после ремонта мы начнем внедрять все ценные указания.

– Это вчерашний толстяк виноват? – хмуро спросил Дима.

Директор сделал неопределенный жест рукой.

– Но ведь ему понравилось! – воскликнула Анечка. – Он же улыбался! И подошел к нам после защиты.

– А может, он вас просто пожалел? Проект-то вы провалили! – ехидно поинтересовался Ворон.

Все как по команде обернулись на Молчуна-Артема, который сидел, уставившись в окно.

– Да нет, не может быть, – примирительно сказал Дима, – просто совпадение...

– Дорогие мои! – перебил его директор. – Давайте не будем искать виноватых! У вас впереди неделя каникул, а потом четверть в новой обстановке. Я очень надеюсь, что у вас хватит ума воспринять все происходящее правильно и по возможности вынести для себя как можно больше полезного из этой ситуации. Лично я верю в то, что Новый год мы будем встречать здесь. Все вместе.

– А на каникулах нам что делать? – спросил Дима.

– Отдыхать, – развел руками Михаил Александрович.

– От чего отдыхать?

– Как отдыхать?

– Да что мы дома не видели?!

– Тихо! – повысил голос директор. – С завтрашнего дня школа закрыта на ремонт! Постарайтесь за сегодня привыкнуть к этой мысли.

И собрание на этом и закончилось бы, если бы не истошный крик Ани.

– А фотографии с Эльбруса! Нам что, их теперь целую четверть ждать?!

Трехчасовой рассказ участников похода с подробным фотоотчетом немного скрасил всем минуты расставания.

А потом... Выгребали и паковали личные вещи, которые скопились в школе, обсуждали, делились планами. Настроение у всех было боевое.

– Подумаешь, чутка в обычной школе поучиться, – успокаивал себя и окружающих Дима. – Остальные там одиннадцать лет учатся – и ничего. Живы.

– Да! – подхватил оптимистичный тон разговора Женя (даже перетаскивая ящики, он умудрялся не помять и не испачкать неизменный черный пиджак). – Это может быть интересно. Зато мы точно будем знать, каково им там. А потом вернемся к себе...

– Да, а потом вернемся и будем ценить, как нам тут здорово! Да, Анечка? – бодро отпартовала Кошка.

Аня не ответила. Она сидела на модели вечного двигателя и изо всех сил старалась не хлюпать носом.

– Ань, не плачь! Ведь ничего же страшного...

– Я буду по вам скуча-а-ать, – прорыдала Анюта.

Старшие Птицы потрясенно посмотрели друг на друга. Они даже не подумали о том, что их разлучат.

– Но мы же будем встречаться. Наверное. На переменах. Да? – предположил Дима.

Остальные неуверенно переглянулись. Они не очень представляли себе порядки в других школах.

– Надо у Ворона спросить, – сообразил Дима, – он к нам после третьего класса пришел, он должен помнить, как там все устроено.

Оказалось, что Ворон и еще шестеро таких же, как он, «перебежчиков» уже давно собрались в холле и рассказывали всем желающим о порядках в обычной школе. Их слушали с интересом. Старались не расстраиваться и не перебивать.

Осенние каникулы

Кошка не умела просыпаться по утрам. Ее поднимал будильник. И каждое утро его звон вызывал у Кошки одну и ту же цепочку чувств: «Не-е-ет! Сейчас как грохну о стену! Ой! Я же все пропущу!» Обычно вся цепочка занимала секунд тридцать, после чего Кошка с бодрым мявом подпрыгивала на кровати и принималась метаться по комнате, кидая вещи в рюкзак.

Но сегодня будильник не прозвенел. Кошка даже не сразу поняла, что произошло: она лежит с открытыми глазами и таращится в потолок, по которому шастают здоровенные солнечные зайцы. Даже, наверное, солнечные слоны. Это с балкона. Мама рамы моет. «Мама моет раму». Кошка такое видела однажды. В книге со смешным названием «Букварь». У них в школе букварей не было...

Кошка испуганно перекатилась на бок. Часы показывали половину десятого.

– Ма-а-ам! – завопила Кошка, и это очень напомнило клич боевого мартовского кота.

– Почему не разбудили? – продолжала она, по пути в ванную стягивая пижаму.

– Хотите, чтобы дочь осталась тупым неучем?! – это уже из ванной.

– Шатрапы и дешпоты! – сквозь зубную щетку.

– Я везде опоздала! – в улыбающееся мамино лицо.

– Куда ты опоздала? – Мама подхватила полотенце, которое дочь по обыкновению собиралась оставить на стиралке.

– Всюду! Где мои джинсы?

– Где вчера бросила.

Маме пришлось посторониться. Дочь у нее вышла мелкая, но юркая. Набрав скорость, Кошка могла проломить нетолстую стену – и однажды проломила, когда у нее не получалась заковыристая задачка по физике. Гипсокартон заменили за пару часов, ногу лечили месяц.

– Юлька! Да куда ты собралась? – Из кухни выскочил папа, такой же мелкий и юркий, как дочь.

В их семье только мама была основательная и неторопливая.

– Каникулы же! – напомнил папа пролетающему мимо него существу.

Существо одновременно натягивало куртку, завязывало шнурки и жевало котлету. В таком состоянии говорить невозможно. Но существо смогло:

– У оуу!

Родители Кошки умели дешифровать фразы, состоящие из одних гласных. В данном случае дочь имела в виду: «Ну и что, что каникулы? Я все равно пойду в школу, потому что у нас там куча дел, мы хотим переделать заваленный проект, а еще начать новый, а еще олимпиады скоро начнутся, и кабинет химии давно собирались перестроить в стиле алхимической лаборатории, так что отвалите и не мешайте мне развлекаться!»

– В какую школу? – вздохнула мама. – Она же на ремонте...

Кошка от неожиданности чуть не врезалась в дверь и разом проглотила котлету.

– А... Ну да... Точно... И чего теперь?

– Не знаю, – ответил папа, – черт, на встречу опаздываю!

Кошка с завистью посмотрела вслед. У папы было дело. Ему было куда спешить...

– Доченька, – мама мягко потянула Кошку на кухню, – а давай мы хоть раз в жизни нормально позавтракаем! Ты ведь даже в выходные, даже в каникулы – все на ходу. Поэтому и худая такая...

Кошка не сопротивлялась. Она только позвонила Димке, но тот коротко ответил, что сидит в кино, и отключился.

– Дурында ты, Анька! – Старший брат валялся на диване с пультом от телевизора в руках.

Он наслаждался свободой, то есть жал на кнопку переключения каналов с такой скоростью, что Анечке казалось – она смотрит какой-то бесконечный и беззвучный клип.

– Сам дурында! – Анечка даже запустила в брата подушкой, но не попала. – А у меня в «Кенгуру» сто двадцать баллов, понял?!

Брат не стал ничего швырять в ответ. Каникулы, родаки свалили – чего напрягаться? Если бы еще шнур от монитора не спрятали – вообще бы лафа была. Но и так, с теликом, тоже нормально.

– Ты дурында, – ласково объяснил брат, – потому что кайфа от каникул не понимаешь. Это ж каникулы! В школу ходить не надо! Уроков делать не надо! Можно ничего не читать две недели!

– Тоска, – вздохнула Анечка. – Я думать хочу! Я задачку хочу! Новую!

Брат сначала хмыкнул, а потом встрепенулся:

– Ладно, убедила, ты гений!

Анечка на всякий случай стала пятиться к двери. Такое начало предвещало беду. Но брат сегодня прямо излучал добродушие:

– А хочешь задачку? Сложную!

Анечка замерла. Она еще верила в человечество (вообще) и в исправление брата (в частности).

– По математике? – осторожно уточнила она. – По физике? Химии?

– По этой... логике! Как думаешь, куда шнур от монитора спрятали?

Анечка задумалась, вспоминая недавнюю лекцию по ТРИЗ.

– Так... – произнесла она с уморительной серьезностью. – Задача: спрятать от тебя шнур...

– Найти шнур! – встрял брат, который перестал терзать пульт и с надеждой смотрел на сестру.

От этой вундердевочки (как ее звал папа) можно было всего ожидать.

– Чтобы найти шнур, нужно решить обратную задачу, – надула губки Анечка. – И вообще, не мешай...

Брат замер.

Телевизор показывал что-то забавное из жизни макак.

Молчун аккуратно доел вкусную фасоль, вытер хлебом подливку – и только потом помыл тарелку. У входа в комнату приемной матери он остановился на пару секунд, пошевелил губами, репетируя, постучал.

– Спасибо, тетя Оля, все было очень вкусно, – сказал он слегка сипло.

Он всегда сипел, когда произносил первые за день слова. Приемная мама знала, но все равно беспокоилась:

– Артемка, ты простыл?

Молчун покачал головой. Тетя Оля заглянула на кухню.

– Опять посуду вымыл, – огорчилась она. – Зачем? Я же весь день дома!

Молчун постарался улыбнуться. Мол, все нормально, мне даже приятно. Как всегда в таких случаях, тетя Оля расстроилась и крепко его обняла. Так было даже удобнее: когда утыкаешься в человека, не обязательно изображать улыбку. Подержав Молчуна в охапке, она немного застеснялась и предложила:

– А хочешь, я тебе компьютер включу?

Компьютер купили еще летом, когда директор зашел рассказать о талантах Артема, о том, что ему нужно общаться побольше – если не словами, то хотя бы по интернету. В лучшем интернет-магазине сразу же заказали лучший ноутбук с таким здоровенным экраном, что его можно использовать вместо телевизора.

Приемные родители гордились своим подарком, поэтому Молчун не просто кивнул, а закивал часто-часто, как птица трясогузка. Тетя Оля очень обрадовалась и собственноручно включила ноутбук. Молчун улыбнулся (получилось почти естественно) и сел за клавиатуру. С минуту он сидел неподвижно – тетя Оля решила, что он стесняется, и тактично ушла к себе дочитывать толстую книжку в супербложке.

Но Молчун не стеснялся, он просто составлял оптимальный план. Когда план улегся в голове, Молчун открыл скайп и принялся быстро-быстро набирать...

Женя сидел перед монитором. Он не умел вот так работать над статьями – с утра, на свежую (но пустую) голову, не поругавшись с Кошкой, не утешив слезливую Анечку, не ткнув Димку в пару-тройку огрехов в проекте... Самое противное, что Женька прекрасно понимал,

что именно писать, тема была плевая: «Перспективные преимущества квантовых компьютеров». Да и изложить ее можно попроще, для читателей глянцевого журнальчика...

Но слова упорно не хотели выстраиваться в нужном порядке. Он уже трижды начинал и трижды стирал первую фразу.

Женя вытер пыль с монитора, рассортировал диски, и так лежащие почти в идеальном порядке. Проверил почту. На школьном сайте по-прежнему висело огромное объявление «У нас каникулы» с грустным смайликом. Женя был администратором местного форума и с удовольствием бы сейчас разрулил пару конфликтов и удалил пару троллей, но... В виртуальной жизни школы тоже была тишина.

И тут звякнул скайп. Женька радостно развернул окно – и увидел объемистое, на весь монитор, сообщение. Оно начиналось словами:

«Это Молчун. Простите, что спровоцировал провал вашего проекта. Кажется, я знаю, как все поправить...»

К обеду Кошка окончательно озверела. Она и в привычной обстановке обладала нечеловеческой реакцией и энергией (за что, собственно, и стала Кошкой), а в атмосфере ничегонеделания инстинкты безоговорочно взяли верх над разумом. Больше всего она была похожа на пантеру, которая мечется по клетке.

Юлька уже пропылесосила квартиру и трижды сгоняла в магазин. Успела прочитать пол-интернета и пробежаться по всем ста каналам телевидения. Даже проглотила тридцать страниц из «Войны и мира». Больше по совету учительницы литературы Кошка не читала, потому что великое произведение начинало ее ужасно раздражать. Уж больно не соответствовал ритм повествования ее собственному, личному ритму.

В два часа с большим трудом удалось дозвониться до Димки:

- Слушай, что ты делаешь? Я уже извелась!
- А ты отдыхай, – посоветовал Дима.
- С ума сошел! – взорвалась Кошка. – Я все утро отдыхаю, устала.
- Ну хочешь, приходи ко мне, только у меня гости...

Кошка рванула к двери быстрее, чем он успел договорить.

Женя поймал себя на том, что уже написал в скайпе целое произведение, объемом втрое больше, чем нужная ему статья. Но остановиться не мог. Молчун предлагал всё новые варианты развития событий и проигрывал разные ситуации борьбы с всевозможными комиссиями. Переписываться с ним было интересно, очень похоже на новый проект по психологии, когда

нужно учесть все возможные реакции разных участников события, а потом еще и убедить их всех поступить точно так, как надо именно тебе.

В процессе обсуждения Женя понял главное – их школу не закроют. Просто не смогут закрыть. Потому что если уж они вдвоем с Молчуном в состоянии разработать план спасения, то что говорить о том, что будет, если этим займется вся школа.

Вместе они смогут свернуть небольшие горы, вроде Карпат! А то и большие, вроде Памира.

Кошка с Димой наматывали третий круг по стадиону.

– Да нормальные они! – объяснял Дима. – Просто любят в компьютер поиграть.

– Поиграть? – съязвила Кошка. – Мы два часа у тебя просидели, и за это время они ни слова не сказали ни о чем, кроме всяких монстров и способов убийства.

Дима только руками развел. Мол, что делать, родственников не выбирают. Двоюродные братья приехали к нему на каникулы и все время, когда им не давали играть, обсуждали то, как они поиграли, или то, как они сейчас будут играть.

– Дим, как мы будем в обычной школе, а? – жалобно спросила Юлька. – У меня за семь лет первый раз каникулы. То есть я первый раз здесь, дома, и в школу не пошла. Я так извелась за этот день... Я уже соскучилась.

– Это ненадолго! – уверенно сказал Дима и поправил очки. – Пойдем отсюда.

К стадиону приближалась не очень трезвая и очень буйная компания.

– Я их не боюсь! – тут же с вызовом ответила Кошка.

– Ты от скуки хочешь нарваться на неприятности? – парировал Дима.

– А может, я познакомиться хочу, – с вызовом сказала Юля, – может, это мои будущие одноклассники!

И от этой мысли Кошке стало тошно.

– Пойдем Анечку навестим! – сказала она и, не дожидаясь Диминого согласия, направилась в сторону Аниного дома.

– Ур-ра! – Анечка повисла на Кошке, и той пришлось с кряхтением пересадить радостного ребенка на Димку. – А что мы будем делать? А мы в школу пойдем? Там уже отремонтировали, да? Пошли в школу, а то тут скучно! Степка, – Аня обиженно кивнула на брата, – одну головоломку придумал, а когда я шнур нашла, то за комп сел и отключился... А мы проект будем делать, да? Новый или старый? Или оба сразу?

Все это Анечка выпалила на одном дыхании – она давно молчала, надо же было наконец выговориться! А заодно от полноты чувств надо было одной рукой дергать Кошку за рукав,

а другой Димку за воротник. Димка, уж на что человек терпеливый, не выдержал, поставил Анечку на пол.

– В школу мы не пойдем, – начал он рассудительно, – там закрыто пока...

– Но проект можно и у меня дома делать! – Анечка вертелась на месте, пытаясь удержать в поле зрения сразу обоих гостей. – Только что делать будем?

Кошка уже нажимала кнопку быстрого набора.

– Женьк! Нам нужно чем-то заняться! – скомандовала она. – Или я за себя не отвечаю! Я ни за кого не отвечаю! Это дурдом, а не каникулы!..

Вдруг Кошка замерла на полуслове – и даже, для полноты эффекта, с полуоткрытым ртом.

– Что? Кто? Класс! Ага... Ага... У тебя соберемся? Ладно, тогда двигай к Анечке!

Кошка положила трубку и сообщила:

– Будем переделывать заваленный проект! Анька, у тебя какая комната самая большая?

Анины родители были людьми простыми. Папа менеджерил в офисе, мама делала стрижки. Больше всего в жизни они любили вечера после рабочего дня. Не выходные, которые заполнены бесконечной суетой: готовка, мелкий ремонт, уборка, поход по магазинам, визиты к родственникам. В понедельник вечером все это исключалось, даже еду предпочитали полуфабрикатно-разогретую. Пицца (или суши), пиво (или вино), ароматный чай (без вариантов)... Все для того, чтобы с чувством выполненного долга плюхнуться на диван и посмотреть свежую серию любимого сериала, заботливо скачанного главой семейства по офисной безлимитке.

Но сегодня их ждал сюрприз. Неприятный.

Посреди гостиной, которую они с легкой руки бабушки звали большой комнатой или залом, была устроена мастерская. Куча причудливо разложенных палочек-прутиков-пружинок. Чертеж, вызывающий воспоминание о Леонардо да Винчи. И пятеро детей, которые глядели на все это стеклянными глазами.

В полной тишине.

Папа даже не стал отчитывать старшего сына, который так заигрался, что не успел отключить компьютер и спрятать шнур.

– Чего это они? – шепотом спросил он у Степки.

– Не знаю, – тихо ответил тот. – Уже полчаса так тупят...

Родители подождали немного, но дождались лишь того, что самый старший – долговязый аккуратист Женя – обнаружил их существование и даже кивнул. Впрочем, смотрел он при этом все равно в пол, так что полноценного приветствия не получилось. Папа вежливо кивнул в ответ и увел семейство на кухню. Анечку пытались выманить, но она с таким остервенением черкала в блокноте, что ничего не заметила.

Ужинали впервые за несколько лет на кухне. Там не было телевизора, и потому пришлось разговаривать. Вернее, для начала помолчать, сосредоточенно жуя и придумывая тему для беседы.

– Ну, как у тебя в салоне? – первым очнулся папа. – Все ругаешься со своей... этой... Макаровой?

– Да она уволилась еще неделю назад! Я же тебе говорила!

Папа хмуро кивнул и принялся за пиццу. Чтобы загладить неловкость, слово взяла мама:

– А у тебя как?

– Да все так же...

Еще пять минут прошло в тягостном молчании. За столом явно кого-то не хватало. То ли доктора Хауса, то ли Декстера. Наконец родители одновременно вспомнили о Степке, хотя тот сидел тише мыши, даже вилок о тарелку старался не звякать.

– Ну, – поинтересовался глава семейства, – как четверть закончил?

Сын сделал очень равнодушное лицо и забубнил:

– Все нормально, по информатике даже четверка, остальное... тоже более-менее...

– Стоп! – Папа педагогически строго сдвинул брови и даже отложил надкушенный кусок пиццы. – У тебя же по русскому три с минусом! Я же тебя компьютера лишил! Ты почему?..

Но серьезному разговору так и не суждено было состояться. Сначала из зала донесся слаженный торжествующий вопль, в котором можно было разобрать:

– Ваше!

– Точно!

– Молчун рулит!

И:

– Анечка, ты гений!

Семейство на кухне вздрогнуло и замерло, опасаясь обрушения потолка. Но все обошлось явлением Анечки на кухню.

– Мам-пап! Мы все придумали! – Анечка мигом оказалась в шкафу с продуктовыми запасами. – Молчун придумал! И я немножко!

Макароны и прочая бакалея вылетали из шкафчика, как будто в нем трудился безумный норный зверь барсук.

– Там надо РОС сделать, понятно? Распределенную обратную связь!

Анечка вынырнула из шкафа.

– Мам! А где у нас крахмал?

Мама вздохнула, сняла пакет с верхней полки и отдала радостной дочери.

– Круто! А что это, пицца? Спасибо!

И неистовый ребенок исчез с пакетом крахмала в одной руке и коробкой пиццы в другой.

Какое-то время оставшиеся без ужина члены семейства молча созерцали бакалейный развал на полу кухни. Потом папа задумчиво объявил:

– Я им скажу, чтобы больше у нас не собирались... Жене скажу. Он самый адекватный... Кажется...

Мама кивнула:

– А я сварю чего-нибудь... Макароны... раз уж достали...

За неделю Птицы и примкнувший к ним Молчун пытались работать у всех по очереди. Только Молчун к себе не пригласил, а когда Кошка в лоб потребовала предоставить жилплощадь для подготовки проекта, покачал головой.

Дольше всех – три дня – продержалась Женькина мама, но потом из рейса приехал отчим-дальнобойщик... Словом, в субботу они попытались работать во дворе, на старом доминошном столе.

Но пошел дождь, и вообще погода совершенно не располагала к пребыванию на свежем воздухе.

Понедельника ждали с огромным нетерпением.

Скорее бы в школу!

Уже хоть в какую...

Вторая четверть

Анечка ужасно волновалась.

Подскочила на час раньше, чем обычно, принялась повторять математику. Женя ей когда-то давно объяснял тригонометрию, а она все никак не могла запомнить, где у угла синус, а где косинус. Вернее, какой катет нужно поделить на гипотенузу, чтоб получить желаемое.

А вдруг у нее именно про это спросят? Говорят, в обычных школах могут вызвать к доске и начать задавать самые разные вопросы...

В школу заходили все вместе. Это Женя придумал. Встретились на крыльце, а потом Женька развел всех по раздевалкам. Кошке с Димкой хорошо, они в один класс попали, в 8 «Г», Молчуна определили в 5 «А», Женька тоже попал в «А» класс, но в 10-й. Анечку записали в 3 «Б».

Женя довел ее до двери в кабинет, легонько щелкнул по носу для поддержки, буркнул:

– Если что, звони...

И ушел. Аня смотрела ему вслед и видела, что Женя очень волнуется. Он сутулился, озирался, сумку перекидывал с одного плеча на другое. Анечка побежала за ним, схватила за руку, прижалась:

– Женечка, ты не переживай, все будет хорошо! Ты у нас самый-самый лучший! Мы тебя в обиду не дадим!

Женя даже сумку уронил от неожиданности.

– Спасибо, – сказал он.

Серьезно сказал, без капли улыбки. Аня поняла бы, если б он вздумал над ней смеяться. Но в этот момент Жене, их большому Жене, их лидеру, их опоре, действительно очень нужна была поддержка.

Ане стало неуютно. Она поплелась в класс, волоча за собой сумку и по дороге разглядывая учеников. Внешне они мало отличались от тех, кто попадался в коридорах 34-й школы. Кучковались, хихикали, обсуждали что-то, спорили... Разве что мата звучало непривычно много, но, гуляя по городу, и не такого наслушаешься. Аня давно привыкла пропускать плохие слова мимо ушей.

Непохожести начались со звонком. Как только он зазвенел, все тут же рванули в класс и уселись за парты.

Аня топталась у входа, никто не обращал на нее внимания, а она не очень представляла себе, что нужно делать.

Но заминка была совсем короткой, потому что в класс вошла учительница. Дети, как дрессированные собачки, вскочили за партами и застыли по стойке смирно. Аня, так и не успев ничего сообразить, просто стояла в проходе и с неприличным любопытством разглядывала будущих одноклассников. Они были на удивление одинаковыми...

– Садитесь! – сказала учительница, и Аня переключилась на нее.

Пожилая... Лет сорок... Но выглядит бодро, спина безупречно прямая, волосы уложены, ногти покрашены... Увидела бы на улице, приняла бы за эту... как они называются... бюрократку. Такие сидят в чистых кабинетах, решают важные задачи и улыбаются... Вот так же улыбаются... Губами. А глаза...

– Ты, вероятно, Сивцова?

Аня кивнула.

– У нас свободно только одно место, класс переполнен. Садись. Четвертая парта в среднем ряду. Алехин, ты будешь сидеть с Сивцовой.

– Меня зовут Аня.

Аня улыбнулась. Она вспомнила, что нужно улыбаться, если хочешь расположить людей к себе.

Учительница тоже улыбнулась в ответ. Но при этом сверкнула глазами и с нажимом сказала:

– У нас уже есть две Ани, Сивцова. Садись.

Аня села на место. В ступоре.

Первый урок она так и провела в ступоре, просто потому что ее заточенные на поиск логики мозги так и не поняли, что происходит. Весь класс по очереди выходил к доске и читал одно и то же стихотворение. Причем часть просто тарабанила текст, а остальные читали с совершенно одинаковыми интонациями. После декламации учительница объявляла оценку. Она была тем выше, чем быстрее был прочитан стих. За каждую паузу снижался балл.

– Вы что, на скорость стихи читаете? – спросила Аня у соседа по парте, но он на нее так шикнул, что Аня чуть со стула не упала.

На пятнадцатом человеке Аня уже знала стихотворение наизусть. А в классе было двадцать восемь учеников...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.